

Научная статья
УДК 930.2:94(47)«194/195»
DOI 10.37724/RSU.2022.76.3.007

Мемуары сотрудников органов внутренних дел как исторический источник по социальной истории 1940–1950-х годов

Анна Дмитриевна Попова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

a.d.popova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются мемуары сотрудников милиции как исторический источник по социальной истории 1940–1950-х годов. Предметом анализа стали три неопубликованных воспоминания сотрудников милиции, которые удалось обнаружить автору. Создатели всех трех документов служили в советской милиции в указанный период — это Д. М. Курлянд (Одесса), Т. А. Сивак (Рязань), В. М. Берников (Кронштадт). Автор обозначает, что указанные источники имеют разную структуру и степень детализации, однако все основаны на описании личного опыта службы в милиции. В статье показано, что мемуары включают несколько пластов информации по социальной истории нашей страны 1940–1950-х годов. Наибольшее внимание авторами мемуаров уделяется описанию собственного опыта борьбы с преступностью, и анализ всех трех источников дает представление об уровне преступности в послевоенные годы, о некоторых ее причинах, а также о методах работы правоохранительных органов по пресечению и расследованию криминальных явлений. Воспоминания Д. М. Курлянда позволяют критически оценить мифы, получившие распространение в средствах массовой информации. В статье утверждается, что мемуары сотрудников милиции содержат ценные свидетельства о повседневной жизни людей и ее уровне, в том числе самих сотрудников милиции, о способах проведения досуга, о некоторых социальных проблемах, например, дефиците товаров.

Ключевые слова: мемуары, повседневность, советская милиция, Д. М. Курлянд, Т. А. Сивак, В. М. Берников.

Для цитирования: Попова А. Д. Мемуары сотрудников органов внутренних дел как исторический источник по социальной истории 1940–1950-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 59–69. DOI: [10.37724/RSU.2022.76.3.007](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.76.3.007).

Original article

Law Enforcement Officers' Memoirs as a Historical Source on Social History of the 1940s–1950s

Anna D. Popova

Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia

a.d.popova@mail.ru

Abstract. The article analyzes law enforcement officers' memoirs as a historical source on social history of the 1940s–1950s. The author analyzes three unpublished memoirs written by law enforcement officers and discovered by the author. The writers of the memoirs were Soviet law enforcement officers in the 1940s–1950s. These officers are D. M. Kurland (Odessa), T. A. Sivak (Ryazan), V. M. Bernikov (Kronshtadt). The author underlines that these sources have different structures, different representation of details. However, all of them reflect law enforcement officers' experiences. The article shows that the memoirs contain several layers of information on social history of the Soviet Union in the 1940s–1950s. The writers of the memoirs focus on the description of their fight against crime. The analysis of the three memoirs reveals a picture of post-war years in the Soviet Union, describes the level of crime, speaks about its causes and about some methods used by law enforcement bodies to prevent and investigate crime. D. M. Kurland's memoirs enable a researcher to critically assess myths widely spread in mass media. The author of the article maintains that the law enforcement officers' memoirs contain valuable information on people's everyday life, on law enforcement officers, on Soviet citizens' leisure activities, on some of their social problems, such as scarcity of goods, for example.

Keywords: memoirs, everyday life, Soviet law enforcement bodies, D. M. Kurland, T. A. Sivak, V. M. Bernikov.

For citation: Popova A. D. Law Enforcement Officers' Memoirs as a Historical Source on Social History of the 1940s–1950s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 3 (76): 59–69. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.007.

В настоящее время в исторической науке повысилось осознание ценности мемуаров как исторического источника. Обращение к свидетельству современников способствует восстановлению деталей прошлого, которые не зафиксированы в других источниках — нормативных актах, документах официальных органов власти. Мемуары можно назвать своеобразным взглядом изнутри событий: «Изучение мемуаров позволяет исследователю взглянуть на события прошлого глазами современника, увидеть в нем реальные элементы быта и нравов эпохи, наполнить образы исторических деятелей уникальными чертами» [Ищенко, Неверов, 2016, с. 83]. При этом воспоминания помогают не только восстановить детали, которых нет в официальных документах, но и понять восприятие людей тех или иных исторических событий.

Одной из самых главных сложностей для историка в работе с мемуарами является их отыскание. Если официальные отчеты, деловая переписка формируются и откладываются в архивах учреждений в обязательном порядке согласно регламенту работы предприятия или органа власти, то мемуары пишутся исключительно по воле самого человека. Часто такое творчество оказывается способом психологической релаксации, подведением итогов прожитой жизни, поэтому воспоминания хранятся в личных архивах и не публикуются. Как совершенно верно заметила О. Д. Попова, «обнаружение источника личного происхождения — это скорее удача исследователя, чем рутинная повседневность» [Попова, 2017, с. 21].

Издания, которые основаны на изложении опыта сотрудника органов правопорядка и рассказывают о его работе в милиции или жизненном пути, встречаются достаточно часто [Курило, 1987 ; Петухов, 1997 ; Федоров, Балкарей, 1989]. Многие сотрудники милиции или прокуратуры, выйдя на пенсию, берутся за перо. Известны случаи, когда бывшие или действующие работники правоохранительных органов обращались к литературному творчеству. Например, подполковник милиции Марина Александрова под псевдонимом Александра Маринина создала целую серию романов о сотруднице уголовного розыска Анастасии Каменской. Петербургский следователь по особо важным делам Татьяна Топильская стала автором серии романов о следователе Марии Швецовой. По сценариям начальника отдела по раскрытию умышленных убийств Кировского районного управления внутренних дел Санкт-Петербурга Андрея Пименова (литературный псевдоним Андрей Кивинов) снимали первые сезоны сериала «Улицы разбитых фонарей».

Мемуары как форма творчества выполняют для сотрудников милиции несколько функций. Для одних на первом месте выступает психологическая релаксация — такая же, как и при создании литературных произведений, у других преобладает стремление передать молодым сотрудникам свой опыт. И поэтому каждые мемуары уникальны, содержат упоминание фактов, характерных для конкретного места и времени. Можно согласиться, что «на мемуары, с одной стороны, накладывает отпечаток профессиональная принадлежность их автора, а, с другой, они обладают различной целевой направленностью, приоритетами и сюжетами» [Синова, Проскурина, 2020, с. 116]. В связи с этим поиск и использование в научной работе мемуаров никогда не бывает лишним.

При работе с литературными воспоминаниями для историка первой задачей является поиск самих источников. В отличие от воспоминаний известных политических деятелей, революционеров или полководцев мемуары простых людей не так заметны [Попова, 2017, с. 23]. Часто они оседают в ящиках письменного стола дома, и хорошо, если автор или его родные догадаются передать их в архив или в фонды музея. Поэтому обнаружение интересных мемуаров, пока еще неопубликованных и не известных исторической науке, может считаться исключительным событием. Автору статьи повезло трижды. Первой удачей стала папка с машинописным текстом, хранящимся в Народном музее милиции Одессы. Это были воспоминания сотрудника одесского уголовного розыска Давида Михайловича Курлянда, которые хронологически охватывают 1940–1950-е годы. Затем удалось обрести электронный скан воспоминаний сотрудника рязанского уголовного розыска Тимофея Александровича Сивака, которые были надиктованы им в возрасте 80 лет в 1980-е годы и охватывают 1940–60-е годы. Наконец, счастливым случаем стало получение файла с мемуарами Василия Матвеевича Берникова, служившего в отделении милиции Кронштадта [Берников].

Все три текста отличаются по содержанию и стилю изложения, но представляют большой интерес для историка. Самый объемный текст оставил Д. М. Курлянд: в толстой папке

насчитывается почти 200 листов машинописанного текста, который представляет сборник очерков с завершенным сюжетом. Каждый очерк занимает 2–7 страниц, всего их насчитывается более 30.

В похожем стиле построены и мемуары Т. А. Сивака, только если у Курлянда за несколько послевоенных лет описывается более двух десятков эпизодов, то Сивак уделяет внимание лишь самым выдающимся делам за некоторые периоды времени. Его текст четко структурирован по годам. Начинаются воспоминания с 1942 года, когда был создан городской отдел милиции и Т. А. Сивака назначили начальником уголовного розыска. Автор признает, что работы было очень много: ежедневно в городе совершалось по две-три кражи, к тому же приходилось помогать выявлять вражеских лазутчиков, но за 1942 год у него описан только эпизод с бандой Никитина. За 1943 год имеется описание поимки банды братьев Барабановых, за 1944-й — банды Петрова-Метёлева. Потом следуют записи за 1948–1949 и 1957–1958 годы. Подобная хронология логична: если текст писался в 1980-е, то память выбрала наиболее яркие, выдающиеся эпизоды.

Отличаются воспоминания В. М. Берникова. Автор не стремится рассказать подробно об отдельных эпизодах по расследованию тех или иных уголовных дел, а в целом сообщает об особенностях работы милиции в 1950-е годы в приграничном городе.

Анализ всех трех источников позволяет выделить несколько характерных особенностей представленной в них информации, первой из которых можно назвать сведения о повседневной жизни людей 1940–50-х годов, в том числе и сотрудников милиции. Д. М. Курлянд и Т. А. Сивак уделяют этим данным незначительное количество строчек, но даже их скупых слов достаточно, чтобы понять, что в годы войны и в послевоенное время советские люди жили очень бедно. Это касалось и самих милиционеров. В частности, Тимофей Александрович пишет, что для улучшения питания сотрудникам милиции были выделены участки земли под огороды. Большим событием для семьи милиционера стала покупка коровы: это позволило улучшить питание, но существенно сократило семейный бюджет, поскольку дорогая покупка потребовала вложения всех имеющихся средств: «Зина [жена] даже юбку продала» [Сивак. Ч. 1. Л. 15]. О бедности говорит и Берников: «Жили от зарплаты до зарплаты, многие постоянно занимали» [Берников]. В результате люди часто воровали самые обычные повседневные вещи: «...велосипеды, фотоаппараты, носильные вещи, плащи, рубашки, пиджаки, обувь» [Там же].

Воспоминания Т. А. Сивака дают представление о повседневной жизни города в 1942 году. Враг уже был отброшен от Москвы и Рязани, линия фронта находилась далеко, но над Рязанью летали вражеские самолеты, которые направлялись бомбить Горький. Порой свой смертоносный груз они обрушивали и на Рязань, из-за чего в городе стали появляться вражеские лазутчики, которые подавали сигналы у заводов и стратегических объектов выстрелами из ракетниц. На личный состав милиции возлагалась дополнительная задача: во время обстрелов патрулировать город и отлавливать диверсантов. Автор упоминает эпизод о задержании на реке Трубеж одной такой группы. Во время операции погиб участковый милиционер [Сивак. Ч. 1. Л. 3].

Воспоминания Берникова позволяют выделить еще одну яркую черту жизни людей в Кронштадте: в послевоенный период на некоторое время были ликвидированы органы советской власти, и вся власть в городе передавалась военным. Автор не уточнил, когда именно это было сделано, но зато не только привел дату возвращения органов советской власти (1958), но и описал подробности этого события, когда на партконференции города рабочий с Морского завода потребовал вернуть советскую власть. Впрочем, и после этого в городе отсутствовали прокуратура и народный суд, все дела по-прежнему рассматривались военным трибуналом, даже дела о разводе [Берников].

Очень интересное упоминание об одной особенности повседневной жизни встречается у Д. М. Курлянда: он пишет, что после освобождения Одессы в течение нескольких послевоенных лет не существовало свободной продажи билетов на транспорт межгородского сообщения. Билеты на поезд, самолет, водный транспорт можно было купить только при наличии пропуска, выдаваемого паспортным столом. Основанием для выдачи пропуска было командировочное удостоверение или путевка в санаторий. Давид Михайлович рассказывает об этом в очерке, посвященном истории поимки мошенников, которые в Одессе наладили выпуск поддельных пропусков [Курлянд, л. 58]. Кроме того, у него встречается еще один эпизод, связанный с такой специфической чертой советской повседневной жизни, как дефицит, в частности Курлянд говорит о недостатке стройматериалов. Так, в Одессе после войны не хватало жилья. С целью решения этой проблемы власти разрешили частное строительство, однако построить дом часто не удавалось из-за нехватки стройматериалов: доски, шифер, готовые рамы — все было дефицитом. В результате уголовный

розыск столкнулся с преступлением в виде мошенничества: преступники предлагали гражданам достать стройматериалы, брали деньги, а потом скрывались [Там же, л. 170].

Наибольшее внимание аспектам быта уделяет В. М. Берников. Если два других автора упоминают о деталях повседневной жизни в контексте рассказа о работе милиции, то для Берникова городская повседневность становится самостоятельной темой. Он указывает, какие магазины работали, как была устроена канализация, как функционировал общественный транспорт, в частности пишет: «По Кронштадтским улицам, трясясь на булыгах, громыхал ПАЗ (это пассажирский автобус), оборудованный двумя скамьями для сидения вдоль бортов. Ходил он редко. Не более четырех-пяти раз в день от Летней пристани до проходной Морского завода на улице Июльской» [Берников]. В другом месте описан досуг горожан: «Функционировал Летний сад со множеством аттракционов, танцплощадок, парашютной вышкой, комнатой смеха с кривыми зеркалами, шахматный, шашечный клубы, кафе и т. п. Вход на территорию Летнего сада был платный, стоил 1 рубль. Работал Летний театр, вход на спектакли был тоже платный. Отдыхающих всегда было много» [Там же]. Автор обращается как к положительным чертам советского быта (постепенная газификация домов, строительство жилья), так и к отрицательным, в том числе он не прошел мимо злободневной проблемы пьянства. В. М. Берников констатирует очень большую доступность спиртного: «В городе было 15 столовых, большинство, кроме рабочих столовых, торговали спиртным в разлив, а также до десятка ларьков, где продавалась водка, часто можно было заказывать 100–200 гр». При этом он не скрывает, что причина такой доступности горячительных напитков крылась в стремлении пополнить казну: «Один хлебозавод работал исключительно для обеспечения военных, молокозавод, лимонадный и колбасный цех, какой они бюджет могли создать в городе? Вот и спаивали народ» [Там же].

Мемуары В. М. Берникова любопытны и информацией о быте самих милиционеров. Он указывает, сколько сотрудников числилось в их городском отделе, какой был график работы, уделяет внимание описанию форменной одежды. Особо ценным является его рассказ об организации досуга сотрудников, что в подобных мемуарах вообще встречается редко. Автор вспоминает, что в отделе действовала касса взаимопомощи, где можно было получить деньги займы под очень небольшой процент и потратить небольшую свободную сумму денег на внерабочие мероприятия, в частности новогодние праздники для детей. При накоплении значительной суммы появилась возможность приобрести в ленинскую комнату телевизор, который приходили смотреть вместе с членами семьи. Ленинская комната стала центром досуга для всех сотрудников милиции и членов их семей. Там не только проводились политзанятия, явка на которые была обязательной, но и читались популярные лекции на разные темы, организовывались коллективные просмотры кинофильмов на передвижной киноаппаратуре, концерты. При горотделе был создан струнный оркестр, в котором играли на музыкальных инструментах и пели сами сотрудники отделения. На их концерты приходили все милиционеры с семьями: «В зале свободных мест не было. Позднее стали привлекать детей» [Берников].

Также практиковались коллективные экскурсии по городу: «Знали, в честь кого названа улица города, что за поступок он совершил» [Берников]. Регулярно устраивались первенства по бильярду, шахматам, домино. Подробно автор останавливается на поездках на природу. Так как автобуса у горотдела не было, то для этой цели использовали грузовик или даже автозак. На природе затевали пикник (в том числе с употреблением алкоголя), гуляли, пели, рассказывали анекдоты, собирали грибы. Еще несколько страниц мемуаров отведено такой форме досуга, как спортивные соревнования, что логично для сотрудника органов внутренних дел. Соревновались в стрельбе, беге на лыжах, ходили в походы к фортам.

В мемуарах Д. М. Курлянда повседневная жизнь милиции прослеживается слабо, но встречаются эпизоды, связанные с характеристикой подготовки личного состава. В частности, у него есть сцены, в которых показано, что в послевоенные годы ощущались трудности в подборе профессионального состава. В разделе «Одесский уголовный розыск. 1948 г.» он пишет, что кадровый состав уголовного розыска в 1948 году был укомплектован на 50 %. В милиции оказывались люди случайные, не совсем понимающие суть своей работы. Так, в очерке «В бегах один день» автором упоминается эпизод непрофессиональных действий сотрудников милиции. Задержанных по подозрению в убийстве двух мужчин требовалось доставить в следственный изолятор. За неимением транспорта конвойные их повели пешком. Путь их пролегал мимо знаменитого Привоза — одесского продовольственного рынка, где располагалось много закусочных. Задержанные предложили конвоирам зайти в одну из них. Те не просто согласились, но стали распивать с задержанными спиртное, в результате чего те просто сбежали, и уже другим милиционерам пришлось их ловить [Курлянд, л. 62].

Вторая характерная черта мемуаров касается сообщения информации о состоянии преступности в послевоенные годы. Все три анализируемых источника, как уже было сказано, отличаются по степени подробности, и наиболее детализированы в этом аспекте мемуары Д. М. Курлянда. К сожалению, только в некоторых случаях автор указывает год, когда происходило описываемое событие. Содержание его очерков показывает, насколько беспокойной была жизнь в Одессе в послевоенные годы, а сами очерки свидетельствуют, что расследовать приходилось самые разные преступления: кражи, разбои, изнасилования, мошенничества, убийства. Преступники действовали жестоко, их жертвами становились женщины, старики. У Курлянда несколько раз описываются ситуации, когда преступники, совершив одно преступление, тут же шли на следующее. Например, в очерке «Губернатор» рассказывается о поимке двух преступников, которые ограбили и изнасиловали двух женщин, а потом тут же поехали к одному магазину и попытались совершить кражу. Их спугнул сторож, показания которого очень помогли поймать негодяев [Курлянд, л. 83]. Даже сами сотрудники милиции гибли от рук преступников, в частности, в одном из очерков описаны действия бандитов, которые убили участкового милиционера с целью завладения его табельным оружием [Там же, л. 72]. Сопоставление мемуаров с документами официального делопроизводства органов внутренних дел, хранящихся в архивах, доказывает, что автор не сгущает краски. Уровень преступности в послевоенные годы и в самом деле был очень высокий, более того, после окончания войны он, в силу разных причин, стал расти. В целом за первый послевоенный 1946 год в СССР было зарегистрировано 1 014 274 преступлений, что на 20 % больше, чем в 1945 году. В 1947 году этот показатель оказался еще выше: зарегистрированных преступлений насчитывалось уже 1 234 377. Прирост по сравнению с 1945 годом составил чуть более 46 % [Богданов, Орлов, 2009, с. 139].

Показательным свидетельством о криминогенной обстановке в Одессе является доклад начальнику 6-го отдела Главного управления по борьбе с бандитизмом Министерства внутренних дел СССР подполковнику Полякову, в котором перечисляются проявления бандитизма в Одесской области в первой половине 1947 года. В докладе указывается 17 эпизодов достаточно серьезных преступлений: несколько ограблений санаториев и домов отдыха, заводских помещений, ремесленного училища и даже детского сада [ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 712. Л. 206].

Мемуары Д. М. Курлянда позволяют критически оценить два мифа, которые получили распространение в современном общественном пространстве и встречаются как на страницах популярных периодических изданий, так и в Интернете. Первый связан с фильмом «Ликвидация» (режиссер С. Урсуляк, 2007 год). События фильма происходят в 1946 году в послевоенной Одессе, и в сюжет вошли такие эпизоды, как активная вредительская деятельность бандеровского подполья, участие военных под руководством Г. К. Жукова в ликвидации бандитов в ходе операции «Маскарад», появление предателя в правоохранительных органах. В Интернете неоднократно встречалось утверждение, что сюжет основан на мемуарах Д. М. Курлянда, а он сам является прототипом главного героя — Давида Гоцмана: «О том, как в послевоенной Одессе боролись с преступностью, Давид Курлянд рассказал в своих воспоминаниях. Именно, этот документ и стал основой для создания сценария “Ликвидации”» [Давид Курлянд ... ; Интересные факты ...]. Нами установлено, что ничего схожего с сюжетом фильма в мемуарах сотрудника Одесского уголовного розыска нет. Мифом является и операция «Маскарад», которая показана в фильме, в Одессе тогда не было мощного бандеровского подполья. Биография реального Курлянда содержит совсем другие факты, чем биография киногероя Гоцмана. Так, Курлянд не воевал в разведке: в годы войны он служил в уголовном розыске в Узбекистане, куда был эвакуирован с семьей в 1941 году. Жил подполковник не на Молдаванке, а в центре города, имел детей. Образ главного героя фильма «Ликвидация» надо воспринимать как собирательный, обобщающий судьбы многих советских людей нелегкого послевоенного времени: участие в боевых действиях, потеря близких, работа без сна и отдыха. Курлянд упоминал, что порой приходилось работать без перерыва по 30 часов.

Единственный эпизод из мемуаров, который очень напоминает одну из сцен в этом фильме, — это история с пропажей табельного пистолета у одного из сотрудников милиции. Курлянд писал, что однажды ему позвонили из ресторана «Театральный» и попросили приехать, так как один из посетителей, представившись милиционером, заявил, что у него украли пистолет. Сыщик прибыл на место, поговорил с пострадавшим, который и в самом деле служил в милиции и был не совсем трезвый. Давид Михайлович подробно расспросил, куда и зачем тот заходил до ресторана, и пострадавший признался, что выходил из ресторана купить сигарет близ площади Мартыновского, где, как оказалось, заходил в общественный туалет. Курлянду пришлось организовывать работу по промывке туалета, в результате чего удалось обнаружить табельный «ТТ» подвыпившего сотрудника

и еще четыре пистолета. Совпадает с содержанием фильма и еще один момент с мемуарами: на 16-й станции Большого Фонтана и в самом деле находился дом-интернат для детей.

Второй миф связан с образом страшной банды «Черная кошка». В первом номере за 2016 год в газете «Мир криминала» появился материал, в котором прототипом банды из известного фильма «Место встречи изменить нельзя» выступала одесская банда под руководством некоего Марущака. Сам процесс поимки этой банды представлен в качестве увлекательного триллера, где имели место классические элементы жанра: погоня за главарем по катакомбам, перестрелка до последнего патрона, смерть главаря от ампулы с цианидом [Митина, 2016]. Однако знакомство с текстами мемуаров позволяет установить целый ряд больших и мелких искажений, допущенных автором публикации. Банда Марущака и в самом деле действовала в Одессе, оставив довольно страшный след: на ее счету были ограбления, убийства, воровство со складов. Однако действовала она в 1949-м, а не в 1946 году, как указывает издание. Наконец, поимка банды не была сопряжена с событиями, которые указываются в статье и представляются в духе сценария хорошего триллера. Никакой погони не было, а была четкая работа по выявлению свидетелей, которые помогли установить предположительное место, где скрылись подозреваемые, а также рутинный осмотр подвалов в этом районе города, позволивший обнаружить тайник с украденными вещами, и грамотно организованная засада. Банда была ликвидирована без эффектных трюков в ходе профессиональной и незаметной для граждан работы [Курлянд, л. 191].

Тем не менее мемуары Д. М. Курляда и в самом деле содержат весьма примечательные эпизоды, которые еще ждут своих сценаристов. Например, подполковник рассказывает о поимке профессионального вора с дореволюционным стажем В. Мендзибровского по кличке Владэк. Летом 1948 года был совершен ряд квартирных краж в разных уголках Одессы. Анализ фактов подсказывал, что все они совершены одним человеком: замки были открыты одинаковым способом — подбором ключа к замку; из квартир выносили только дорогие носильные вещи, ювелирные украшения и облигации. Все кражи были совершены только днем, между 11 и 14 часами. Владэк обладал определенной долей артистизма, выдержкой и находчивостью, всегда хорошо одевался, был вежлив, галантен, сообразителен: когда ему повезло украсть выигрышную облигацию, то он не поспешил с ней в сберкассу — понимал, что его могут задержать. По его словам, он планировал воспользоваться ею не ранее, чем через 8 лет. Однажды покинув квартиру, которую обворовал, Владэк услышал шаги на лестнице — поднимались соседи. Тогда он заглянул в дверь квартиры, которую обчистил, и невозмутимо произнес: «Так вы же не забудьте, пожалуйста, завтра зайти ко мне», потом прикрыл дверь и спокойно стал спускаться вниз [Курлянд, л. 182].

Образ страшной банды «Черная кошка» встречается и в мемуарах Т. А. Сивака. На одной из страниц у него есть подзаголовок: «1943–1944 гг. банда “Черная кошка”» [Сивак. Ч. 1. Л. 7]. Надо ли говорить, какое волнение может испытать исследователь при виде этой странички мемуаров? Автор воспоминаний посвящает несколько страниц рассказу о поимке двух банд, орудовавших в Рязани в годы войны: Андрея Барабанова и Петрова-Метелёва. При этом Сивак упоминает, что «банды “черные кошки” считались наиболее опасными». Однако он абсолютно не дает пояснения, почему использует это название. В дальнейшем тексте не встречается никаких деталей, уточняющих, называли ли себя так сами члены банды или же в их действиях было что-то, связанное с образом этого животного (подбрасывание котят или рисование изображений). Однако сами преступления являются вполне схожими с теми, которые показаны в фильме: грабежи квартир, убийства. Члены обеих банд были вооружены, более того, банда Петрова-Метелёва организовала убийство заместителя Сивака — Кириллина. Потом выяснилось, что ими планировалось и покушение на самого начальника уголовного розыска Рязани, но не хватило духу [Там же, л. 12].

Василий Матвеевич Берников подробно не описывает процесс раскрытия отдельных преступлений. Однако в этом вопросе его мемуары интересны общей характеристикой преступности в послевоенном Кронштадте. Как уже было сказано, автор подчеркивает, что в послевоенные годы жили бедно, поэтому часто воровали самые обыденные вещи: от постельного белья до фотоаппаратов, то, что подвернется под руки: «Серьезных краж было мало. Ломали ларьки, киоски, буфеты» [Берников]. На преступления чаще шли молодые люди до 25 лет. Мемуары В. М. Берникова свидетельствуют, что более серьезные преступления — грабежи, разбои, убийства — в Кронштадте совершались редко: два-пять разбоев в год, одно-два убийства в год. Причем последние в основном имели место на бытовой почве — сказывалась специфика приграничного военного города.

В мемуарах содержится еще одна важная информация — по социальной истории. Берников пишет о таком виде преступления, как криминальный аборт, и считает, что этому способствовал

указ, запрещающий производство аборт: «С изменением законодательства, когда аборт стали легальными, этот вид преступлений исчез» [Берников].

Также в документе имеется упоминание о преступлениях в сфере экономики. Эти строчки не просто иллюстрируют состояние преступности, но и обладают информацией касательно следующих важных моментов. Во-первых, автор пишет, что дела о хищениях социалистической собственности вели только оперуполномоченные, а не следователи: «Оперуполномоченный находил преступления, документировал эпизоды, сам возбуждал уголовное дело, естественно, с согласия начальника милиции. Сам вел его, доводил до суда, сам направляет в суд с утверждением обвинительного заключения. Это было сразу после войны и до 1952 года, пока не ввели в штат следователей в Кронштадтской милиции» [Берников]. Во-вторых, воспоминания в принципе запечатлевают некоторые особенности социалистической экономики, благоприятные для совершения преступлений, например, получение за взятки дефицитного товара, изменение сортности: «Часто преступления совершали работники торговли, когда получали (иногда за взятки) партии кондиционного товара, это, как правило, ранние овощи, фрукты и другое, то есть в документах указывается наличие сортности, торговый брак, отходы в процентном соотношении ко всей партии» [Там же]. Также Берниковым описывается дело о хищениях цветных металлов, в котором действовала схема, очень похожая на сюжет одной из серий фильма цикла «Следствие ведут знатоки»: промышленный металл списывался в отходы, работники по сбору утильсырья получали колоссальные премии за перевыполнение плана.

Строчки о методах работы советской милиции заслуживают особого внимания поскольку официальные документы, которые позволяют судить о методах работы милиции, особенно уголовного розыска, по сей день часто засекречены. Впрочем, и сами сотрудники милиции не очень щедры на подробности. В частности, Т. А. Сивак упоминает такой метод работы, как проверка ранее судимых и подучетного элемента, выявление лиц, ведущих антиобщественный образ жизни [Сивак. Ч. 1. Л. 6], что помогло выявить и привлечь к ответственности банду Никитина, которая орудовала в Рязани в 1942 году. В день тогда совершалось от двух до пяти краж, кроме того, ночью участились грабежи на улицах. Проверка всех лиц, ведущих сомнительный образ жизни, и помогла выявить братьев Никитиных, которые нигде не работали. После этого в группу был введен, как выражается автор, «наш человек». Логично, что Сивак не раскрывает данные о личности этого человека: мемуары так и не объясняют, был ли это сотрудник уголовного розыска или же привлекли гражданского человека. Однако именно от него поступила информация, что братья хранят награбленное в строящемся здании кинотеатра в центре города. За Никитиными было установлено наблюдение, и в тот момент, когда те попытались взять вещи из тайника, их задержали. Изъятые вещи подтвердили их причастность к 25 преступлениям [Там же, л. 6].

Про значимую роль информации, полученной от «своего человека», Т. А. Сивак упоминает и тогда, когда говорит о поимке рязанских «черных кошек». Личность агента, сыгравшего ключевую роль в задержании бандита, раскрывается им только в одном эпизоде. В 1948–1949 годах в Рыбновском районе Рязанской области действовал бандит-одиночка. Несмотря на одиночество, он был очень опасен: вооруженный наганом, преступник совершал налеты на квартиры и магазины. Далее «принятыми оперативными мерами было установлено» [Сивак. Ч. 2. Л. 3], что бандит посещает одну деревню, ему 23 года и его фамилия Желеуров. Стал известен круг его общения, внимание в котором привлекла сожительница преступника, Нина. Оказалось, что сотрудница милиции, работница детской комнаты Ольга Сеницына, хорошо знает Нину. Девушку подключили к оперативной работе. Именно Ольге через Нину удалось уговорить Желеурова сфотографироваться. Так было получено изображение бандита, а потом Сеницыной поручили склонить своих знакомых к посещению танцевальной площадки в одной из рязанских деревень. На танцах присутствовали оперативные работники, в том числе и женщины-милиционеры. Задача Сеницыной заключалась в том, чтобы бандит оказался среди них. В результате Желеурову не дали воспользоваться оружием и задержали [Там же].

Д. М. Курлянд тоже часто использует фразы «нам стало известно» или «к нам поступила информация». Однако он не углубляется в подробности, откуда и от кого эта информация поступила. Скорее всего, это был результат работы с агентурой, хотя в некоторых очерках автор говорит, что получил анонимную информацию по телефону или даже в записке. Он приводит несколько примеров, когда решающую роль в расследовании преступлений играли именно такие звонки. Так, однажды ему позвонила женщина, которая представилась Герасимовой и сообщила, что ее знакомый с группой своих приятелей готовит ограбление химчистки: «Учитывая, что такие сообщения по телефону мы получаем часто и абсолютное большинство из них при проверке подтверждались, я в правдоподобность сообщения Герасимовой тоже поверил» [Курлянд, л. 154]. В другой раз ему позвонил человек, который заметил, что к ним во двор приехали молодые люди

на машине марки «Волга». Сам факт обладания такой дорогой машиной довольно молодыми людьми настроил добровольного помощника милиции. Назвать свою фамилию он отказался, но адрес сообщил точный. Проверка показала, что машина и в самом деле не была приобретена на зарплату: молодые люди занимались угонами, подделывали технические паспорта машин и номера. Эта информация из мемуаров свидетельствует еще об одной стороне жизни советского общества — граждане достаточно мозаично относились к работе милиции: они не игнорировали свою гражданскую обязанность помогать органам правопорядка, но часто опасались делать это открыто.

Анализ мемуаров показывает, что большое значение в раскрытии преступлений имел дотошный поиск потенциальных свидетелей: приходилось проводить опрос жильцов всего дома, улицы и даже района, где произошло преступление, и именно это чаще всего давало зацепку. Так было с поимкой банды Марущака, когда опрос жильцов позволил выявить свидетеля, который видел незнакомых мужчин. Он указал место, где это было, и вокруг него в домах стали проверять подвалы и чердаки. В одном подвале нашли украденные вещи, а потом очень грамотно организовали засаду: «Сотрудники заняли свои заранее подготовленные места, чтобы “достойно” встретить пришедших. Как только эти два человека подошли к чемоданам, они были тут же задержаны и отведены в другие отсеки подвала, и там они находились под охраной наших сотрудников. Так участники оперативной группы поступили еще два раза, и задержанных было уже 6 человек» [Курлянд, л. 191].

Между тем из мемуаров следует, что засады были скорее исключением, чем каждодневным мероприятием. Их приходилось устраивать, когда поступала информация о готовящемся преступлении. Например, засада помогла поймать квартирных воров, которые планировали обокрасть квартиру научного сотрудника медицинского университета (хозяйка квартиры обнаружила, что дверь пытались открыть). Стало понятно, что преступники, скорее всего, повторят попытку, поэтому была организована засада, которая увенчалась поимкой преступной группы. В другом эпизоде засада позволила поймать группу мошенников, которые выдавали себя за работников милиции и устраивали самочинные обыски, в ходе которых под видом изъятия вещественных доказательств забирали материальные ценности.

Также Д. М. Курлянд упоминает, что в некоторых случаях на раскрытие преступлений влияла хорошая память: в одном из эпизодов это помогло поймать преступников, которые ограбили квартиру, в которой в это время находилась девочка 11 лет. К счастью, воров не причинили ей серьезного вреда, только заперли в шкафу. Девочка смогла описать злоумышленников, и Давид Михайлович сообразил, что такие приметы подойдут двум ему известным грабителям, которых он видел как раз недалеко от пострадавшей квартиры. Он вспомнил клички преступников, по которым установили имена и фамилии [Курлянд, л. 126].

Важную роль в раскрытии преступлений также играл контроль за местами потенциального сбыта похищенных вещей, прежде всего, скупочными пунктами (комиссионными магазинами) и вещевым рынком. Однажды в таком месте заметили молодых людей, которые предлагали купить отрезки ткани. Проверка показала, что это была реализация тканей, украденных в Сумской области. В другой раз внимание сыщика привлек молодой человек, который регулярно предлагал купить у него наручные часы. Дальнейшая работа выявила, что так сбывался контрабандный товар, приобретаемый у моряков.

В целом мемуары Д. М. Курлянда и Т. А. Сивака очень хорошо показывают, что расследование преступлений — это не увлекательные приключения, а кропотливая рутинная работа по сбору информации. Видно это и из мемуаров В. М. Берникова, хотя он не углубляется в подробные детали раскрытия преступлений. В одном эпизоде он описывает, как раскрыли убийство новорожденного ребенка, тело которого нашли под мостом. Труп был завернут в кусок обоев. Сотрудники милиции предположили, что кусок остался от ремонта, и стали обходить квартиры, отыскивая ту, где есть такие обои. Квартира была найдена, виновные привлечены к ответственности.

Встречаются в воспоминаниях милиционеров эпизоды, в которых к расследованию преступлений привлекались собаки. Так, В. М. Берниковым упоминается розыск с использованием служебных собак, которые находили украденные вещи. Об использовании собак пишет и Д. М. Курлянд. Достаточно драматичный эпизод со служебной собакой обнаруживается у Т. А. Сивака, вызывающий ассоциации со сценами из известного фильма «Ко мне, Мухтар!» и касающийся ликвидации банды Андрея Барабанова. Главаря и его подельников не получилось арестовать тихо и незаметно: так как город был мощен бульжником, а у милиции из транспорта имелись только лошади, то цоканье копыт выдало приближающихся сотрудников органов правопорядка, и банда обратилась в бегство. На улице Фрунзе ее удалось блокировать в одном из сараев. Бандиты отчаянно сопротивлялись и продолжали отстреливаться. Тогда было решено прибегнуть к помощи

проводника со служебной собакой, по которым бандиты тоже открыли огонь. Автор не уточняет, пострадали они при проведении этой операции или нет, но упоминает, что сам бандит был смертельно ранен [Сивак. Ч. 2. Л. 14].

Таким образом, мемуары сотрудников милиции Д. М. Курлянда, Т. А. Сивака и В. М. Берникова являются ценным источником по социальной истории общества. Они содержат несколько пластов информации. Основное внимание авторов сосредоточено на изложении своего опыта работы в органах внутренних дел в 1940–1950-е годы, поэтому больше всего сведений дано об уровне преступности тех лет. Менее детально представлены данные о методах работы сотрудников милиции по пресечению и расследованию уголовных преступлений, что во многом связано с задачей соблюдения секретности и неразглашения служебной информации. Однако через призму изложения этого весьма специфического опыта мемуары раскрывают историю повседневности, показывают особенности быта того времени: уровень жизни населения, формы проведения досуга. Мемуары В. М. Берникова, к тому же, содержат уникальные эпизоды, описывающие повседневную жизнь самих сотрудников милиции. В целом эти документы полностью подтверждают укрепившееся в науке положение о том, что «мемуары — ценный исторический источник, имеющий дуалистическую природу: с одной стороны, они имеют документальный характер как остаток (воплощение части) старины, а с другой — они являются нарративным (повествовательным) источником, отражающим отдельные аспекты культуры прошедших эпох» [Георгиева, 2012, с. 136]. Все три источника ярко дополняют картину повседневной жизни указанного периода отечественной истории.

Список источников

1. Берников В. М. Воспоминания // Личный архив А. Д. Поповой.
2. Богданов С. В., Орлов В. Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы // Современное право. — 2009. — № 5. — С. 139–143.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р-9478. — Оп. 1. — Д. 712.
4. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник РУДН. Сер. «История России». — 2012. — № 1. — С. 126–138.
5. Давид Курлянд — реальный прототип Давида Гоцмана в фильме «Ликвидация». — URL : <https://pressa.tv/znamenitosti/47650-david-kurlyand-realnyy-prototip-davida-gocmana-v-filme-likvidaciya-11-foto.html> (дата обращения: 02.03.2022).
6. Интересные факты о сериале «Ликвидация». — URL : <https://www.domkino.tv/news/9569> (дата обращения: 02.03.2022).
7. Ищенко О. В., Неверов А. В. Отечественные мемуары второй половины XVIII–XIX в. как исторический источник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 6-1 (68). — С. 81–85.
8. Курило С. Г. Жизни своей не шадя: из истории милиции Харьковщины. — Харьков : Прапор, 1987. — 294 с.
9. Курлянд Д. М. Воспоминания ветерана уголовного розыска города-героя Одесса // Народный музей истории органов внутренних дел Одесской области. — Д. 5342.
10. Митина В. «Волкодав» с Молдаванки // Мир криминала. — 2016. — № 1. — С. 28–29.
11. Петухов В. Н. Записки прокурора. — Калининград : Янтарная сказка, 1997. — 327 с.
12. Попова О. Д. О годах «семинарской тяготы»: история духовно-учебных заведений в мемуарах их воспитанников (середина XIX — начало XX в.). — Рязань : Концепция, 2017. — 159 с.
13. Сивак Т. А. Воспоминания : [в 5 ч.] // Личный архив А. Д. Поповой. — Ч. 1 ; Ч. 2.
14. Синова И. В., Проскурина К. В. Мемуары как исторический источник о национальных особенностях и роли кухни в дипломатии // История повседневности. — 2020. — № 1. — С. 114–123.
15. Федоров М. К., Балкарей Б. И. Загадки слободского дома. — Одесса : Маяк, 1989. — 170 с.

References

1. Bernikov V. M. Memoirs. *Lichnyj arhiv A. D. Popovoj* [A. D. Popova's Personal Archive]. (In Russian).
2. Bogdanov S. V., Orlov V. N. Totalitarian State and Economic Crimes in the USSR in the First Post-war Years. *Sovremennoe pravo* [Modern Law]. 2009, no. 5, pp. 139–143. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-9478, Op. 1, D. 712. (In Russian).
4. Georgieva N. G. Memoirs as a Phenomenon of Culture and a Historical Source. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija "Istorija Rossii"* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Russian History series]. 2012, no. 1, pp. 126–138. (In Russian).

5. David Kurljand — real'nyj prototip Davida Gocmana v fil'me "Likvidacija" [David Kurland as a Real Prototype of David Gottsman in Liquidation]. Available at : <https://pressa.tv/znamenitosti/47650-david-kurlyand-realnyy-prototip-davida-gocmana-v-filme-likvidacija-11-foto.html> (accessed: 02.03.2022). (In Russian).
6. *Interesnye fakty o seriale "Likvidacija"* [Interesting Facts about the Liquidation series]. Available at : <https://www.domkino.tv/news/9569> (accessed: 02.03.2022). (In Russian).
7. Ishhenko O. V., Neverov A. V. Russian Memoirs in the Second Half of the 18th–19th Centuries as a Historical Sources. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskus-stvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political Sciences and Law, Culturology and Art Studies]. 2016, no. 6–1 (68), pp. 81–85. (In Russian).
8. Kurilo S. G. *Zhizni svoej ne shhadja: iz istorii milicii Har'kov'shhiny* [Without Regard to Their Own Life: Kharkov Law Enforcement Agencies]. Kharkov, Ensign Publ., 1987, 294 p. (In Russian).
9. Kurljand D. M. Memoirs of a Veteran of Criminal Investigation of Odessa. *Narodnyj muzej istorii organov vnutrennih del Odesskoj oblasti* [Museum of the History of Law Enforcement Agencies]. D. 5342. (In Russian).
10. Mitina V. "The Wolf Dog" from Moldovanka District. *Mir kriminala* [The Criminal World]. 2016, no. 1, pp. 28–29. (In Russian).
11. Petuhov V. N. *Zapiski prokurora* [Attorney's Notes]. Kaliningrad, Amber Tale Publ., 1997, 327 p. (In Russian).
12. Popova O. D. *O godah "seminarskoj tjagoty": istorija duhovno-uchebnyh zavedenij v memuarah ih vospitannikov (seredina XIX — nachalo XX v.)* [About the Seminary Hardships: the History of Seminaries in Seminars' Memoirs]. Ryazan, Concept Publ., 2017, 159 p. (In Russian).
13. Sivak T. A. Memoirs (in 5 parts). *Lichnyj arhiv A. D. Popovoj* [A. D. Popova's Personal Archive]. Parts 1 and 2. (In Russian).
14. Sinova I. V., Proskurina K. V. Memoirs as a Historical Source on National Peculiarities and the Diplomatic Role of National Cuisines. *Istorija povsednevnosti* [History of Everyday Life]. 2020, no. 1, pp. 114–123. (In Russian).
15. Fedorov M. K., Balkarej B. I. *Zagadki slobodskogo doma* [Riddles of a Village House]. Odessa, Beacon Publ., 1989, 170 p. (In Russian).

Информация об авторе

Попова Анна Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор кафедры философии и методологии науки Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история правоохранительных органов, Александровская модернизация, социальные процессы XIX–XX веков.

Information about the author

Popova Anna Dmitriyevna — Doctor of History, Professor in the Department of Philosophy and Methodology of Science at Ryazan State University named for S. Yesenin.

Research interests: history of law enforcement, Alexander modernization, social processes of the 19th–20th Centuries.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; принята к публикации 17.05.2022.

The article was submitted 22.03.2022; accepted for publication 17.05.2022.